

84 (2Рос = Рус) 6

К М 13

ДМИТРИЙ МАЗИН

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ ЧУВАЛА

Владимир МАЗИН

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ ЧУВАЛА

СЕМЕЙНЫЕ СКАЗКИ
И
ЛИЧНЫЕ ПЕСНИ

Екатеринбург

- 089790-2-

Средне-Уральское книжное издательство

Государственная

2005

библиотека

Югры

КО

ББК84.Р7Хан
М12

*Книга издана к 55-летию автора
при финансовой поддержке администрации
г. Нижневартовска.*

ISBN 5-7529-0798-5

© Мазин В.А., 2005
© Курмаев Х., рис., 2005
© Средне-Уральское
книжное издательство, 2005

ХКурмов-98

Чувал — очаг, священное гнездо огня, дающего свет, тепло, пищу, а значит — жизнь. Здесь оживали легенды, семейные предания, рождались сказки, песни и стихи.

Теплом родного очага и кровной причастности автора к окружающей жизни наполнены страницы этой небольшой книжки.

* * *

Возле древнего чувала
Всем не будет места мало —
Разноликими гостями
Веселитесь вместе с нами!
Вот отведайте ушицы,
А на тальниковой спице
Рыба жарится речная,
А потом напьёмся чаю.
И споём многоголосно
На угодье сенокосном,
Когда спустятся туманы
На могучие урманы.
Пусть живёт многоязычье
На просторе нашем птичьем,
Лишь бы доброта звучала
Возле древнего чувала.

Любезные мои читатели, здравствуйте и благодарствуйте! С волнением надеюсь, что интерес ваш к содержанию этой книги будет оправдан нашим творческим общением. Без читательского сотворчества литература бедствует, а писатель жить не может.

Все начинается с рождения. Провидению Божию благодарен за то, что русская женщина полюбила мужчину из старинного хантыйского рода. Моя мама Екатерина Никифоровна Мазина была и песенницей, и рассказчицей. Свободно владея хантыйским языком, зная традиционный уклад семьи своего мужа Алексея Григорьевича Кунина, прививала с детства уважение к народной мудрости, выраженной в фольклоре. Сказки мне рассказывали дядя и тетушка по отцу, старшие товарищи в интернате. Позднее записывал различные варианты сказочных повествований, а также слушал немало песен судьбы, разъезжая по району как участник и руководитель концертных бригад.

Мои земляки знают, что современный фольклор в устной традиции коренных жителей Среднего Приобья бытует в основном в двух формах (родах). Эпос представлен пересказами анонимных повествований — сказками, лирика — авторскими поэтическими миниатюрами, которые не подвергаются изменениям, исполняются под известные (родовые) мелодии или распевным речитативом. Семейные сказки включают своеобразно переработанные мифы, легенды и другие жанры эпических повествований. Личные песни фиксируют жизненный опыт рыбака, охотника, хозяйки домашнего очага, невесты, жениха, деда или бабушки. Их обычно называют песнями судьбы.

Хантыйские сказки многовариантны. Нередко в коротких сказках для детей реалистично с эле-

ментами анимистических традиций представлены картины сибирского ландшафта, юнец знакомится со средой обитания, где ему следует продолжать добролюбивое сосуществование с многообразием окружающего мира. У деревьев, ягод, рыб, птиц, животных и людей похожие характеры. Ими владеют одинаковые страсти. Они подчинены всевышней воле, но вынуждены отстаивать свое право на благополучие. Все вместе с человеком находятся в срединном состоянии противоборства темных (злых) и светлых (добрых) сил (духов).

В зимние вечера рассказчики могут вести долгие повествования, объединяя разные сюжеты, разных героев. Например, существуют десятки вариантов сказок о сироте, нашедшем счастье на чужбине и возвратившемся с женой, детьми в родные края. Много вариантов сказки о победителе лесных великанов.

Поездки по району в 70-е годы, недавние встречи с земляками убедили меня в том, что фольклорный материал претерпевает изменения. В фольклорные формы сказок вплетаются авторские элементы современного пересказа. Нетрудно обнаружить, что в живом фольклоре отражены мифологемы христианства, имеются заимствования образного ряда иноэтнического творчества. Иначе и быть не может, ведь нынешние носители старины — воспитанники советских школ — давно воспринимают культурные формы в полиэтническом пространстве.

Важно, что коренные жители Среднего Приобья все-таки сохранили свое фольклорное богатство и находят силы воскрешать, передавать его подрастающему поколению. Примером могут служить конкурсы сказителей «Сказки берестяного края», которые проходят с 1997 года в поселениях вахских хантов. Мне посчастливилось слышать эти сказки и убедиться, что привнесенные элементы не нарушают основу базовых ценностей хантыйской культуры. Сохранена, прежде всего, неразрывная связь ментальных проявлений со священными неписаными законами природы. К сожалению, мои навыки живой разговорной хантыйской речи, как

и у многих воспитанников советской эпохи, не развивались. Искренне благодарю за помощь в дословном переводе собранных мною материалов: маму, дядю Геннадия Григорьевича и тетю Нину Григорьевну по отцовской линии. Низко кланяюсь замечательному коренному жителю Ларьяка Петру Федоровичу Тырину, одному из тех, кто помнит мою матушку молодой работницей национального интерната, где воспитывался нынешний Пэтер-Ики (дядя Петя).

Живой фонд устного народного творчества сам по себе интересен. Этот багаж традиционного словотворчества до нынешнего времени способствует самоутверждению хантыйского этноса в космополитической среде новопоселенцев Западной Сибири. С внимания к сказкам и личным песням начиналось профессиональное творчество всех, без исключения, профессиональных писателей обских угров. И мое сочинительство началось пересказами сюжетов, подаренных мне старшими, и песенными отражениями личных впечатлений.

В книге представляю литературные версии семейных сказок. Мною выбраны семь сказочных повествований, которые, надеюсь, будут интересны русскоязычному читателю и могут дать общие представления о формах художественно-эстетического творчества коренных жителей Среднего Приобья.

В стихах, как мне представляется, ощутима связь с традиционной лирикой. Сказки и стихи, вошедшие в книгу, написаны в разные годы, большинство из них были озвучены мною на фестивалях, концертах и опубликованы в местной прессе. Сочинения 60–80-х годов прошлого века соседствуют с недавно написанными. Временную непоследовательность текстов оправдываю тем, что не хотелось придерживаться хронологии рукописей или публикаций, но было желание соблюсти хронологию своего эмоционального взросления.

Надеюсь, что талантливый читатель в эпических и лирических картинах рассмотрит не только житейский опыт автора, но собственный. Безусловно, реальная жизнь богаче образов любого текста. Но

и в маленьком зеркале можно увидеть конкретные отражения большого. Если в «Семейных сказках и личных песнях» мои земляки уловят духовное созвучие со своим мировосприятием, я буду счастлив.

Вн. Мазин

СЕМЕЙНЫЕ СКАЗКИ

ПОЧЕМУ УТКИ КРЯКАЮТ

На берегу озера Лиса лежала, скучно ей было. Поговорить не с кем. Заметила она Уток, плавающих между осокой. Поднялась, бока встряхнула, хвостом вильнула и, подойдя ближе к ныряющим Уткам, сказала:

— Я вас съем.

Утки ответили:

— Ты, Лиса, очень красивая, хорошая, шубой на тело Огня похожа, ты добрая, наверное. Не ешь нас. Мы тебе весёлую песню споём.

— Ну, спойте. Только одну песню пойте, сильно есть хочу, голодная. Если понравится ваша песня, пойду в другом месте еду искать, а не понравится — после песни вас съем.

Запела одна Утка:

— Кяр — красивая, кяр-кяр-кря-кря...

Вторая Утка песню подхватила:

— Кря — красная, кяр-кря, кяр-кря...

Потом третья, и четвёртая, и пятая:

— Кяр — краденое любит, кря-кря-кяр...

И все вместе запели:

— Кря — красивая, кря — красная, кяр — краденое любит, кря-кяр, кря-кяр...

И до сих пор так поют, чтобы Лиса голодная сидела. А когда надоедает ей слушать — убегает в лес, подальше от озера.

СОЛОМИНКА И ЯГОДКА

На небольшой болотной кочке родились и выросли Травинка и Ягодка. Познакомились, но не подружились. К осени налились соком. Одна стройная да зелёная, другая пухлая да красная. Каждой казалось, что нет её красивее.

К зиме стали готовиться. Подул холодный ветер. Гордая травинка низко сгибалась, а гордая Ягодка похихикивала — ей уютнее было во мху. Незаметно зима пришла, снегом замело болото.

Тихо перезимовали Травинка и Ягодка. Весной Ягодка видит, что её соседка золотой стала. Но Травинка не рада изменениям, она даже имя сменила, стала называться Соломинкой. А Ягодка с гордостью распевала своё имя под kloкотание ледяной влаги: Клю-ква, Клю-ква.

Весной два ветра дули: холодный и тёплый спорили между собой. Частые дожди не радовали, кочка становилась всё меньше. Подступала вода. Однажды искра упала на мох. Продрогшая Соломинка стала раздувать искру, ей хотелось согреться. И так постаралась, что маленький костерок обжёг её, золотое тело стало серым пеплом, который смыли дождевые капли. Рассмешило это Ягодку. Она хохотала и раздувалась, хохотала и раздувалась... И лопнула.

ПОЧЕМУ У ГЛУХАРЯ КРАСНЫЕ ГЛАЗА

В неведомые стародавние времена все птицы жили вместе, никакая птица не улетала из нашего края. Зимы не было, всегда было тепло. В какой-то уже забытый людьми год холод пришёл. Собрались птицы тёплые края искать. От каждой птичьей семьи вожака выбрали. Вожаки побеседовали и решили, что назавтра все птицы улетят к югу от наступающих морозов. Договорись: взлетят с появлением первого утреннего луча. Многие птицы рядом друг с другом ночевали, у болотного места скорого отлёта. А Глухарь любил спать отдельно и последнюю ночь захотел провести на родном песчанике.

Утром прилетел Глухарь к болотному месту, откуда по уговору все птицы в дальний путь собирались. А место пустое, все крылатые друзья улетели. Заплакал Глухарь. Всю зиму слёзы лил. Так долго плакал, что глаза его покраснели.

Весной птицы с юга вернулись. Глухарь им рассказал, что и зимой в наших краях жить можно. Водоплавающие птицы не поняли. И опять Глухарь заплакал.

ОГНИЦА

Одна душа у Огницы, а тел у неё много. Во всех избах по Ваху тела Огницы живут. В каждой избе берегут Огницу. Без неё в таёжном краю сиротливо и холодно...

Однажды в зимний вечер две женщины по-соседски разговорились.

— Как посмотрю на избушку твою, так удивляюсь: дымок из трубы ровно стелется по ветру, а то и к облакам поднимается. Видно, хорошо у тебя печь топится...

— Грех жаловаться. Положу поленья одно на другое, не забывая нижние в берестяные обёртки закутать. А меж сухих обёрток лучинки кладу подсушенные. Разожгу очаг — радуюсь, как Огница красное платье своё разбрасывает, подолом шуршит, выплясывает. Отпыхает веселье Огницы, угольки на место убираю да золу сметаю. От ровного горения долго тепло в избе ходит, детей радует.

— Ах, что ты говоришь, соседка? Я радости твоей понять не могу. А дети мои всю зиму на ладони дуют — мало тепла в избе. На хлопотные дела времени не хватает. Пока тесто готовлю, дети поленья ворочают в очаге, разжигают упрямые обрубки... А грязи сколько! Зола сыплется, угли выскакивают. Ребятишки мои палочками тычут вредную Огницу, а она ленится плясать. Не печь греет, вредная, а палочки ребячьи обжигает.

— Ты бы поласковее к дарительнице тепла, — может, серчает Огница. Я вот детей к очагу не допускаю, несмышлёные, могут обидеть ненароком. Что ж это твои по вечерам с подождёнными палочками по снегу бегают?

— Да пусть резвятся, мне меньше мешать будут. Я хотела у тебя попросить скребок да валёк. Шкурки муж привёз, выделать надо. А ребятишки куда-то подевали инструмент. Баловники. Что с них возьмёшь? Не дашь ли на время своего скребка и своего валька?

Покачала головой добрая хозяйка, но принесла нерадивой соседке инструменты женские.

Быстро улетел вечер. На чёрных крыльях ночь прилетела.

И добрая хозяйюшка, взглянув на потухшие угли, приготовила дрова на будущий день. Смела она крылышком у заслонки рассыпавшуюся золу, погладила печь-уютницу и прилегла в тёплой тишине поодаль спящих детей.

Успокоились избы в хантыйской деревне, отбрасывая тени на звёздный снег до самого рассвета. Спит труженица в тёплой избе. Сон ей видится: к остывающему её очагу ниоткуда подходит женщина в разорванном грязном платье. Руки и лицо покрыты ранами. Платье красное, но уж очень неприглядное.

— Кто ты будешь, откуда пожаловала, несчастная?

— Неужто не признала меня, добрая душа, в этом убогом наряде? В раненом теле моём дремлет душа жаркой Огницы, да нет силы ярким блеском гореть. Плохо мне живётся в грязном доме твоей соседки. Бросают в меня объедки, мусор. Тычут меня палками. Золу после пляски моей никто не сметает, пепел с головёшек не сдувает... Сил нет плясать, но этой ночью последней пляской наслаждаться буду, отважусь на недоброе дело. А потом далеко улечу искать пристанище в лесных кострах.

— Догадалась я, — промолвила спящая женщина, — догадалась и жалею, что отговорить тебя не могу. Может быть, ты пожалеешь мои инструменты для выделки шкур? Скребок и валёк я дала хозяйке дома, который покинуть хочешь.

— Знаю, — сказала женщина в неприглядном красном платье. Повернулась, с неожиданным сквозняком вылетела в оконную щель, слилась с утренней зарёй.

Проснулась добрая женщина. Растопила очаг. Заплясала Огница, услышала радость ребячьих голосов. А хозяйке беспокойно ото сна, недобрый предчувствием душа женщины полнится. Вышла на улицу. Видит: вместо соседской избушки головёшки брошены неровной грудой. А от них дым расплзается. Подошла, опечаленная, к сторевшей

дотла чужой жизни, всплакнула. А потом увидела, что на пепелище нетронутыми лежат её скребок и валёк.

Догадалась работающая женщина, что обиделась Огница на нерадивую хозяйку, отплатила за обиду пожаром.

В каждой избушке домашний очаг — главная забота женщин. Священная Огница — подруга и помощница работающих хозяек. Не любит Огница ленивых, страдает от оскорблений. Беречь её надо, любоваться её пляской. Нельзя палками платье её рвать, мусор ей в лицо бросать.

Одна душа у Огницы, а тел у неё много. И в твоей избушке тело её красиво плясать будет, если ты не забудешь сказки этой.

СМЫШЛЁНАЯ ДОЧЬ

Далеко это было. И так давно, что забылись имена мужа и жены, которые жили у самого рыбного озера. Одни жили и дочь растили. У дочери, наверное, другое имя было, да забылось. А народная память разнесла по берегам то имя, каким мы её называем — Смышлёная.

Однажды отец долго не возвращался с рыбалки. Он нередко брал с собой охотничий лук. Оттого жена и подумала, что мужу не повезло на рыбалке и отправился он охотиться на дичь. Красавица Смышлёная тоже отца поджидала, любила дочь отцовские рассказы послушать о духах — лесных, речных и озёрных.

Поздно отец возвратился. Улов богатый принёс, а не радуется. Грустное лицо всю ночь трубка раскалённым табаком освещала. Наутро отец не выдержал и рассказал жене о печали своей.

— Встретился мне тот, кто хочет лишить нас дочери любимой. Лесной старик Севсики надумал взять Смышлёную в жёны. А характер у старика недобрый, а тёплой избы у него нет, а лицом он страшен, а женщин он сгубил немало...

Причитает старый отец. Слёзы льёт немолодая мать. Выспросила дочь у родителей причину горьких утренних стонов. Пошла Смышлёная к своим куклам, помолилась. А потом родителей утешила, рассказала, как можно обмануть лесного старика.

Не расскажем мы пока о том, что дочь придумала. Сами поймёте. А только вдруг отец Смышлёной повеселел. Мать пешню русскую нашла в старом сундуке. Железную палку для пробивания проруби всегда прятали в сундуке. А теперь понадобилась в тёплую пору. Стали дочь с матерью огонь разводять. Отец к озеру пошёл. Встретил он на условленном месте Севсики. Захмелевший от мухоморной настойки лесной старик спрашивает:

— Согласен ли ты отдать мне свою дочь? Согласна ли она быть моей послушной женой?

— Не беспокойся, Севсики, женщины ждут тебя. Они хотят, чтобы всё было по нашим правилам сде-

лано. Свататься ты должен. Подойдёшь к нашему летнему дому, повернёшься спиной к входу в чум и попятышься навстречу невесте...

— Как это навстречу я пятиться буду? Что это за правила такие? Я же не увижу свою суженую...

— Она сама тебя обнимет. А пятиться нетрудно, если хочешь хантыйскую красавицу в жёны взять.

Быстро шёл к родному жилищу отец, не отставал от него Севсики. Никто не встретил их. Над чумом дымок вьётся. Поклонился отец реке, которая чум отражала, трижды вокруг себя повернулся хозяин. Торопит будущего тестя лесной старик. Взглянул на непрошеного гостя хозяин, улыбнулся лукаво, довёл его до входа в чум. А в чуме радостная Смышлёная с матерью не прощалась.

— Жениха привёл, — сказал отец, — встречайте.

Вышла из чума жена хозяина, скромно поприветствовала гостя, не открывая лица, пряча весёлые глаза за край платка. Отец Смышлёной пригласил Севсики зайти к невесте. А лесному старику давно не терпится попасть в объятия красавицы, он сразу повернулся ко входу спиной. А Смышлёная, поджидая некрасивого да нелюбезного жениха, положила на пламя пещню, попросив прощения у огня.

Увидев лохматый зад старика, Смышлёная вынула из огня раскалённую пещню и огрела ею по спине незадачливого жениха. Закричал от такого приветствия Севсики, задёргался, выбежал из чума. Навсегда забыл он дорогу к чуму Смышлёной.

Помнят ваховские ханты о дочери престарелых родителей, о Смышлёной, которая помогла родительский очаг избавить от злого Севсики.

Смышлёная дочь расцвела в самый раз к тому времени, когда посватался молодой князь-сосед. И свадьба была красивой и радостной по всем правилам хантыйского народа, который издавна живёт у реки Вах, у притоков этой таёжной реки, по берегам высоким и низким, песчаным и болотным.

— 089790-2 - Югры

Государственная Библиотека	КО
-------------------------------	----

ТРИ ТОПОРА ОТ ВОДЯНОГО

У работающей женщины муж был. Хорошо они жили. Жена домашними делами занималась, старую избушку в порядке держала. Муж летом рыбачил, а зимой охотился.

Однажды мужчина долго из тайги не возвращался. Злой дух Кынь путал его пути, завёл в глушь, а потом к болоту направил. Устал охотник. Но пришлось ему с волосатым злодеем силой меряться. Болотный старик Севсики в кровь искусал доброго мужа. Как ханты рассказывают, Севсики многих рыбаков-охотников погубил, а кого не мог одолеть — сильно покалечил. Но этот человек одолел злодея. Храбрец победил Севсики, а потом бросил поганое тело в костер. Пепел разлетелся по тайге и превратился в мошкару. Пришёл к родной избе муж весь израненный, больной.

Помолилась добрым духам женщина, поплакала и всю зиму мужа лечила. Сумела его на ноги поставить. И решил хозяин новый дом построить на берегу реки. Жена обрадовалась:

— Посмотри, любезный муж, изба наша совсем развалилась. Бери дедовский топор и начинай новую избу строить.

Поклонилась мужу и пошла в лес по ягоды.

Мужчина взял тяжёлый чугунный топор, пошёл на высокий берег быстрой реки, где еще в молодые годы хотел новый дом построить. Посмотрел на давно приготовленные бревна. Размахнулся топором, да так неловко, что чугунный топор уронил в реку. Сел над водой и задумался: как топор достать. Река спокойно текла, будто предлагала не волноваться, а течение вечной жизни обдумывать. До наступления ночи думал мужчина, родителей вспомнил, попечалился о том, что не родила ему жена наследников. Песню спел. Скупыми слезами ресницы обжёг. Вдруг отражённые в реке звёзды зашевелились. На волнах борода Водяного расплылась. Вздрогнул храбрый мужчина. А Водяной его спрашивает:

— О чем задумался? Из-за чего глаза на мокром месте держал?

Вытер слёзы бездетный муж и отвечает:

— Я топор в реку уронил.

Нырнул глубоко Водяной, а через некоторое время всплыл и показывает серебряный топор.

— Не этот ли топор ты утопил? — спрашивает хозяин реки.

Невесело ответил мужчина:

— Нет, я другой топор утопил.

Нырнул второй раз Водяной и достал золотой топор.

— Не этот ли топор ты утопил? — спрашивает хозяин реки.

Невесело ответил мужчина:

— Нет, я другой топор утопил.

Нырнул третий раз водяной и достал чугунный топор.

— Не этот ли топор ты утопил? — спрашивает хозяин реки.

Обрадовался мужчина:

— Покажи мне ближе, на рукоятке моего топора старинная дедовская отметина есть.

Вышел Водяной к берегу и сказал:

— Бери все три топора, честный человек. Я проверил тебя и понял, что ты не только сильный, храбрый и добрый человек, но скромный и честный.

А в избе доброго мужа печалилась жена. Долго ждала и дождалась, обрадовалась. Стол накрыла. Муж соседей пригласил. Рассказал гостям о добром хозяине реки, показал три топора, подаренные водяным.

Один из гостей на другой день решил получить у Водяного такой же подарок. Взял свой старый топор. Выбрал пологое место у реки, забросил в воду топор и стал ждать. До ночи ждал. Всё о серебряном и золотом топорах думал. Забеспокоился сосед храброго мужчины: не зря ли свой топор в реку бросил? А потом подумал с обидой: плохо, что в деревне не только у него будут дорогие топоры.

Вдруг отражённые в реке звёзды зашевелились. На волнах борода водяного расплылась. Осмелел мужик. А Водяной его спрашивает:

— О чём мужик задумался? Зачем на воду смотришь?

— Я топор в реку уронил, — ответил уставший завистник.

Водяной нырнул и достал золотой топор.

— Не этот ли топор ты утопил? — спрашивает хозяин реки.

— Да, это мой топор! Отдай его скорее!

— Не твой он, — сказал Водяной и медленно опустился вниз, оставив за собой пенный всплеск ночной волны.

До утра ждал завистник нового появления Водяного. Уже отражение луны перестало плавать, а Водяной не появлялся.

ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ — СЫН СИРОТЫ

Сиротой ходил по урманам красивый охотник. Молодой был и сильный. Давно умерли его отец и мать, но, как прежде, печалился по ним юноша, сидя у костра. Забыл он уют, ласку, забыл радость возвращения к родному очагу.

В студёный, морозный вечер направил юноша свои лыжи по берегу большой реки. Здесь непременно должен встретиться кто-нибудь. А если духи помогут, то можно дойти до избушки, где всегда рады гостю.

К ночи вышел Сирота на заснеженную поляну. Олени отдыхают под звёздами. Собаки их сторожат. А из трубы маленькой избушки дым струится, хлебный запах разносит по обжитому месту.

Вышел на лай собак хозяин, пригласил уставшего путника отночевать. А в избушке семья жила: старик со старухой, их сын с женой и красивая девушка. Сирота сразу догадался, что красавица старику дочерью приходится, а пригласившему его в гости хозяину сестрой будет.

Стали ужинать. Старик говорит гостю:

— Вестником ты пришёл неслучайным. Сон мне виделся, что пора душу от тела отделять, пора душе в Верхний мир, а телу — в Нижний. Если дочь моя тебе понравилась, бери её в жёны. Пока не пристрою дочь, умирать нельзя.

Посмотрел внимательно Сирота на хозяйскую дочь и решил. Пора заводить семью.

Приняли хозяева Сироту как родного. Пообещал жених, что после свадьбы не увезёт хозяйскую дочь, а будет здесь жить до тех пор, пока его жена не проводит отца своего в неведомый живым путь по Нижнему миру.

Не богато, но дружно жили три семьи вместе, как одна большая, счастливая. Народился у молодых сын. Назвали его в честь деда. И вскоре похоронили старика, оставившего на земле детей своих неодинокими.

Ещё в люльке сидел маленький житель среднего мира, когда засобирались отец с матерью возвращаться к родным местам Сироты. Попрощались с

родственниками жены и отправились в путь. Расставаясь с сестрой, хозяин-брат наказывал:

— Осторожно плывите на лодке. Течение бурное, а в низовье, у гривы кедровой, остановитесь. Найдёте место священное, поклонитесь духам, подарки оставьте. На изгибе реки, у впадающей в неё протоки, там, где сети никто из людей не ставит, живут великаны. Они — спаси вас Торум! — захотят, чтобы отведали вы пьяную воду. Не соглашайтесь — беда может случиться.

Выслушали советы, взглянули в последний раз на берег, подаривший им счастливое начало семейной жизни. Сели в большую лодку...

Легко было плыть по течению. Красивые берега птичьими и звериными свадьбами веселились. Еды было много. Положат вёсла молодые родители, сына накормят, сами поедят — и снова плывут. Засмотрелся Сирота на свою жёнушку, которая задремала над люлькой сына. Положил своё звонкое весло, прикрыл глаза и под убаюкивающие всплески волн забылся. Проехали молодые родители священное место. Когда очнулись и вспомнили, то река унесла лодку уже слишком далеко от кедровой гривы. Понадеялись, что духи простят, что сумеют они вымолить прощение у другого священного места, где в детские годы Сирота ждал возвращения родителей с рыбалки.

Встревожились молодые родители тогда, когда потянуло их лодку неведомой силой в водоворот. Кружилась лодка, не слушалась вёсел. С трудом удалось причалить к берегу. И тут же подошли к уставшим путешественникам великаны. Потчевать стали пьяной водой.

— На душе повеселеет, тоска забудется, хорошо будет, — приговаривают, а сами на молодую женщину смотрят плохими глазами.

Выпил Сирота немного пьяной воды. Закружилась голова. В ушах ветер зашумел, берег покачнулся. Упал отец и муж обессиленным. Схватили его великаны и бросили в гнилое озеро. А потом злодеи разругались между собой: каждому хотелось молодую женщину своей женой сделать. После ночного спора решили, что женщина будет

рожать каждому великану по наследнику. А если кому-то дочь родит — должна будет умереть.

Жена утопленного Сироты всю ночь проплакала над люлькой сына. Утром накормила мальчика, посадила в люльке под плакучую берёзу. Забрали великаны с собой женщину, а ребёнка оставили под деревом погибать без материнской заботы. Мальчик долго лежал под ветвистой, печальной берёзой, не плакал, не звал на помощь. Дождь струйками стекал по ветвям, поил малыша. Вместе с дождём берёзовый сок вскармливал брошенного. Собрался мальчишка с силами, расшнуровал люльку, поднялся. Стал он по берегу бегать, сам пищу себе добывал. В люльке большому тесно спать — у корней берёзы на траве отдыхал. А люльку берёт как память о родителях. За год мальчик вырос так, как вырастают парни за двадцать лет и ещё один год.

В самой гуще дикого урманна у матери богатыря родилась дочь. Любила невинного ребёнка мать и ненавидела своих незаконных мужей, а пуще всего — старшего, который ждал рождения наследника, но после рождения девочки должен убить женщину. Медлил старший Великан, дожидаясь подходящей поры для злодейства. В сильный мороз хотел убить женщину, чтобы её несчастная дочь замёрзла возле матери. А было ещё лето, но уже подступали дни осенние, холодало.

Однажды женщина попросилась у великанов сходить за водой к тому месту, где встретила их, чтобы помолиться воде, принёсшей ей страдания, чтобы вспомнить об оставленном сыне, который должен был умереть в одиночестве, чтобы проститься с плакучей берёзой. Разрешили великаны. Они думали, что давно уже съели дикие звери её сына, что затерялась люлька в половодье. Не удивилась мать встрече с выросшим сыном. Только боялась, что великаны могут узнать о радостной встрече. Договорились мать с сыном, что ненадолго разлучаются, до осеннего паводка.

Возвратилась женщина к великанам не такая грустная, какой уходила. На следующий день и на третий день снова отпрашивалась пойти к пе-

чальному месту. Заподозрил старый Великан обман. Стал следить за той, которая не родила ему наследника. Великаны дольше людей живут, но и они старятся, хотя об их смерти люди не знают. Старший Великан уже плохо видел и слышал, но почувствовал, что женщина с кем-то встречалась, разговаривала.

— Кого ты встретила, плохая жена великанов?

— Встретила я две тени. Одну маленькую, а другую высокую! Тень маленькая — дочь твоя. Она плакала. Высокая тень была будущим сыном твоим, которого я должна родить, если ты сохранишь жизнь дочери моей, к весеннему полноводию. Тени просили передать тебе просьбу: береги дочь от братьев, не давай в обиду, иначе не родится твой наследник, некому будет защищать тебя от хозяина тайги.

Боялись великаны медведя, в котором узнавали сильного родственника человека.

Старший Великан стал удивлять своих братьев, никого не допускал к дочери. Даже игрушки сделал из засушенных кедровых шишек, потерявших зёрна, чтобы девочка чаще смеялась и никогда не плакала.

Осенью, когда вода начала подниматься по отвесному берегу, встретились тайно мать с сыном. Сын к тому времени узнал, что великаны боятся лишь того, что скрыто внутри быстроногого зайца. А заяц тот необыкновенный, единственный. Он в наводнение может превращаться в утку. Прячется он в стороне от людских дорог, в стороне от знакомых людям речек и озёр. Сами великаны могут изловить его, да не хотят никому доверять тайну своего всеислия. Она находится в яйце, а яйцо это держит внутри себя быстроногий заяц, превращающийся в утку.

Просил сын свою мать:

— Сделай так, чтобы старший Великан сам поймал таинственного зайца. Пусть он для дочери сердце своё великанье побеспокоит. Скажи, что это поможет появлению на свет его наследника.

Каждую ночь плачущая мать клала в люльку под подстилку дочери веточку колючей сосны. Иголки кололи невинное дитя, плакала девочка.

Несколько ночей просыпался старший Великан, заставлял мать успокаивать девочку. Наконец он стал просить женщину помолиться её богам и узнать причину детского плача.

Пошла женщина к сыну своему, спросила совета. Он посоветовал ей:

— Скажи, что плачет дочь из-за того, что не может дождаться брата — сына Великана. А тот не рождается из-за того, что сестра его не видела великаньего сердца, не знает силы его отцовской любви.

Вернулась женщина к великанам. Рассказала то, чему научил её разумный сын. Уговорил тогда старший Великан братьев доставить волшебного зайца с птичьими повадками. У великанов тоже почитают просьбы старших. Быстро великаны притащили необыкновенного зайца, хранившего сердца великанов, как хранит яйца птица. Для осторожности поместили зайца в лабаз. Девочка вдруг успокоилась. Мать перестала подкладывать в люльку сосновую ветку. Великаны подумали, что близкое сердце отца успокоило дочь.

Крепко спали ночью обидчики хантыйской семьи. А первенец-богатырь не спал. Он долго лез по отвесной стойке лабаза. Великанский лабаз был очень высоко над землёй. Уже солнышко первые лучи к макушкам высокого леса посылало, когда храброму защитнику своей матери удалось войти в лабаз. Затаился, переждал день. А потом три ночи ловил зайца. Ещё одну ночь ловил. Устал. Наконец перед рассветом удалось смелому изловчиться и поймать ушастого. Сильными руками он сдавил бока зайца. Солнце от радости подпрыгнуло от горизонта до зенита. Вскочили великаны из своего великанского дома. Слепило их солнце. А сын женщины ещё сдавил бока зайцу, да так, что выпало яйцо. Не успели великаны подумать о том, как же они не заметили погубителя своего. Отпустил он зайца, который долетел до земли, как птица, а потом стал обыкновенным ушастым зайцем и убежал в лес. Схватил богатырь яйцо, быстро спустился по солнечному лучу. Встал перед великанами, как подобает Победителю, в сол-

нечном блеске. Упали на колени великаны. Стали молить о пощаде.

— Отдай нам нашу жизнь! Вернём мы тебе мать, позволим спокойно покинуть наш дремучий лес.

Отвечает им Победитель Великанов:

— Мне не только мать нужна, нужен мне и отец мой. Достаньте его из гнилого озера.

Побежали к гнилому озеру великаны, достали отца Победителя Великанов. Лежало тело Сироты горемычного бездыханным. Плакала над ним жена, просила прощения за принуждённую неверность. Так громко плакала несчастная, что услышали её добрые духи, а Золотая Ваховская Богиня, которая люльку с душами качает, вздрогнула от этого плача, выронила одну душу. А душа оказалась именно той, которую оплакивала безутешная женщина. Поднялся отец, живой и сильный, как прежде. Обнялись счастливые. Не стал Победитель убивать побеждённых. Размахнулся он и далеко забросил в мёртвое озеро яйцо. Пока великаны доставали его, собралась счастливая семья в путь, взяли они с собой люльку, где спала девочка. Её Сирота сразу же назвал дочерью. Благополучно добрались вчетве-

ром до деревни. Сирота вместе с сыном отремонтировали родовую избушку, где жена Сироты вместе с дочерью стали хранить очаг.

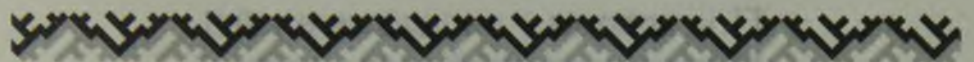
Счастливый, Сирота забыл одиночество. Много детей родила ему жена, много внуков подарили ему дети...

С тех пор живут в наших краях добрые, справедливые и смелые люди — рыбаки, охотники, потомки Сироты, отца Победителя Великанов.

ЛИЧНЫЕ ПЕСНИ

НА ТЕЛЛОКОДЕ

Голубые голубки летят
Голубки летят в устье
А голубки летят в устье
В старинном деревне
Голубки летят в устье
Голубки летят в устье

Голубки летят —
Голубки летят у устья
В устье летят, не забывая,
В устье летят голубки летят.

* * *

Под ветром у косматых елей
Первоянварский снег хрустел.
Родился я под шум метелей
Рыбацкий разделить удел.
А рыбаки в семье отцовской
В старинном промысле ловки,
Тянули невода веревкой
И дружно жили у реки.
А мать моя — с Урала родом,
Любила песни распевать,
Когда к холодным вахским водам
Белье ходила полоскать.

Со мною мучились порядком
Немало лет отец и мать,
Чтоб дать рыбацкую ухватку
И песней душу воспитать.

НА ТЕПЛОХОДЕ

Всё ехать бы,
  не подъезжая,
Всё плыть вдоль вахских
  берегов...
Не дожидаясь урожая,
Рассеиваться средь лугов
Иль на обрыве вдоль подлесков
Зерном родной тайги упасть,
Чтоб испытать душою
  близкой
Природы праведную власть.
Движеньем обнимает время
Дымы рыбацких деревень,
Луна, как вызревшее семя,
Упала с облака
  за тень
Уверенного теплохода,
Который крошит тишину
Спокойной матери-природы,
Сынов готовящей ко сну.
Упрямая —
  но не чужая! —
Волна вскипает у винтов...
Всё ехать бы, не подъезжая,
Всё плыть вдоль вахских берегов.

ШАЛОСТЬ

По улице пройду я
Сегодня колесом,
В полёте кувыркаюсь,
Как будто невесом.
Висят над головою
То Небо, то Земля —
Наскучила серьёзность,
Бросаю всё, шая...
Под пятками упруго
Скользнули облака,
Трава задела чубчик,
Как будто свысока...
Парить вдоль горизонта
Приятнее всего.
Я упаду на берег
Ларьяка моего.

ПЕРВАЯ УПРЯЖКА

Я уже почти что взрослый,
Мне не холодно ничуть —
На оленях в день морозный
Отправляюсь в первый путь.

В теплой малице азартно
Вскину дедовский хорей,
И легко на быстрой нарте
Полечу я: «Эй, я-эй!»

К первой собственной упряжке
Мою бабушку зову:
Ей со мной ничуть не страшно,
Ну а мне — по озорству.

На семейной нарте вместе
С бабушкой веселей
Оглашать родную местность:
Мчимся, мчимся: «Эй, я-ей!»

* * *

В дебрях памяти блуждая,
Я зазубрины считаю, —
Сто зазубрин —
Сто обид
Помнят слёзы,
Помнят стыд.
Сто зазубрин за успех —
Не заметные для всех.

* * *

Как растает пух лебяжий
На постелях луговых,
Ночь сосну с сосною свяжет
В отражениях речных,
Как вздохнёт телёнком пажить,
Замяукают коты,
Как начну я у овражин
Собирать тебе цветы,
Как повалятся удачи
В нашу общую весну...
А в избушке окна плачут,
Крошат солнце и луну.

* * *

Поломанные ветки
Весной среди дождей
Встречаются нередко,
Не радуя людей...
Никто не замечает,
Как с первым ручейком
Деревья оживают
Без возгласа,
тайком.

* * *

Где играло половодье
Роль упорного врага,
Бойкой силою мелодий
Отстраняя берега,
Доверялся потепленью
Взмахом лёгкого крыла,
Одолел тоску бореньем
До усталости весла...

Что пропало за спиною,
Не вернуть, не переплыть,
С каждой новою волною
Победителем не слыть.
Но вперёд по бело-чёрной
Разбесившейся реке
Проезжаю непокорным
На старинном обласке.

РЫБАК

Играют облака
Озёрной котловины,
Хватают рыбака
За мокрые штанины.
Хохочет мужичок
От озорства и счастья,
Сбирая на плечо
Капроновые снасти,
В свой обласок, на свет,
Бросая, как на блюдо,
Второй десяток лет
Чешуйчатую грудю.

* * *

Манит снова рыбака
Синяя путина,
Не страшит меня река —
Бурная стремнина.

Понесёт мой обласок
Быстрое течение
На слияние проток
В водное круженье.

Эх, весло, не подведи,
Не скользи в ладони.
Будет отдых впереди,
Где-нибудь в затоне.

* * *

Утренние звонкие лучи
Вылетели птицами рассвета,
Разметали сотни рыжих крыл,
Будоража смолкнувшее лето
Богатырским пробуждением сил.
Вот уже торопятся сдаваться
Тени молчаливые лесов,
До заката будут раздаваться
Солнечные звуки голосов.

СПУТНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Мне улыбается кувшинка.
Она по замыслу творца
Звезды далёкой половинка
Для разлучённого юнца,
Кладу в бутон воспоминанья...
И опускаю высоту,
С надеждой нового свиданья
Плывём до неба на плоту.

ЧИТАЯ ЛЕТОПИСИ

Прохожу по неизвестности
Девяти веков своих
За российские окрестности
До угодий родовых,
За славянскими языцами
Повторяю древний слог,
За монашескими лицами
Вижу северо-восток.
Стрелы вольного охотника
Убираются в колчан,
Песнь югорского вольготника
Слышу я по кедрочам.
Переписчик Новгородчины,
Проводник мой дорогой,
Шлю привет с хантыйской вотчины
Православною рукой.

ПОЁТСЯ

Легко затеряться
                                среди пищицей братии,
Как голосу птицы
                                в торгашеском гаме,
И всё-таки тихо,
                                по собственной гамме,
Веду свою песню
                                мостками и гатями.
Пред нами болота,
                                трясины,
  невзгодины,
А манят надлесные
                                птичьи высоты.
Бежим по дощечкам:
  прыжки — перелёты...
Под нашими крыльями
                                малая родина.

МЫГЫЯХ*

Всё в жизни неожиданно,
И всё непросто, как у всех,
А редкий за труды успех
Случайно выдан мне.

На резвой нарте — по снегам,
На обласке — вдоль берегов,
Я древней песне остяков
Своё дыхание отдам.

В родном краю пред очагом,
Среди хозяев и гостей,
Услышу голоса детей,
Гордясь хантыйским языком.

---

* Мыгыях (хант.) — земли человек, здесь: абориген.

* * *

Дом — уют колыбельный
И мечты на реке
Помню я среди елей
В золотом куржаке.
На груди горизонта
Путь как крик: «Помоги!..»
В доме бабушкины с фронта
В пору мне сапоги.
Я плыву по широкой
Обновлённой Оби....
Жди, родной синеокий
Дом пречистой любви!

* * *

Ночь на лице небосвода
Нарисовала веснушки,
Затосковали кукушки
В роще у мелкого брода,
Обруч луны покатили
Волны в далёкий рассвет...
Словно на тысячу лет
Окна в селе погасили.
Кто-то опять отворил
Где-то оконную раму,
В песне о радостном самом
Душу свою растворил.

Я РЫБАЦКОГО ПЛЕМЕНИ СЫН

Родился и вырос в селе,
Похожем на старую лодку.
Шагал по родимой земле,
Но твёрдой не нажил походки.
Речушки, озёра влекли
Опасностью бурной водицы.
Спасибо, Ларьяк, что могли
Мы здесь рыбаками родиться.
Мальчишек причал привечал,
Где волны плели небылицы,
Где дедушка нас приучал
К седому теченью Быстрицы.
И я так далеко уплывал,
Туда, где рыбацкое племя
Хранит Негасимый Чувал,
Где льётся неспешное время.

* * *

Душой владела щедрой
Чарующая скрипка,
Где на крыле у кедра
Моя висела зыбка.
Возвышенностью слова
И вдовьими слезами
Был с миром зарифмован
Я в колыбельной мамы.
Не предвещающая бедствий,
Звенел старинный бубен,
Где корневилось детство
Среди невзрачных буден.
Мечтали долго жить мы
Под музыку кочевий —
Сливались бубна ритмы
И скрипки перепевы.
На плаче модуляций
Я подпеваю маме:
Не хочется прощаться
С былыми временами.

* * *

Простонала древняя разлука
Тени с тенью. Будто твердолобых
Идолов языческих над Обью
Был удар. А далее ни звука...
На краю свободного молчанья
Высекаю камешками искры,
Их полёт нечаянный и быстрый
Я люблю за странность бормотанья.
Снова страшно — в темень, до озноба,
И шипят ошпаренные брызги
Древней влаги. Высекаю бисер —
Искры мира — на обрыве злобы.

* * *

Пора домой
за песнями и хлебом,
за чистыми словами
о любви.
Давно в застолье
с караваем не был
и с дедом побасёнки
не травил.
У нас черёмуха
цветёт крылато
и половодье
движется к крыльцу,
чтоб ухажёр
умылся на закате
и дал остыть
горячему лицу,
у нас под окнами
мерцает небо
и отражает месяц и свечу.
Хочу домой
за песнями и хлебом...
Об остальном,
пожалуй, промолчу.

* * *

Хороши ларьякские дорожки,
По краям крапива, лебеда,
На ветвях берёзовых серёжки
Тянутся к блестящим проводам.
До работы двести метров ходу,
Я иду по дальнему кольцу,
Влажная весенняя погода
Моему селению к лицу.
От метеостанции до школы
Кедры хвоей тихо шелестят,
Не стареет мой Ларьяк весёлый,
Он всегда как малое дитя.

* * *

Зари вечерней коромысло
Два озера уносят в ночь.
Луна без долгой укоризны
Простилась, как большая дочь,
С избою солнца за болотом
И поплыла одна легко
По раскачавшимся высотам
Привычной скоростью веков.
Но через несколько мгновений
Ей коромысло братъ пора,
Чтоб к солнцу вынести из тени
Два переполненных ведра.

* * *

За свежекрашеной июльской оградой,
Которая с калиткой в цвет один,
Колени давит острая досада
Старательно утюженных штанин.

За стройною штакетною оградой,
Которая блестит в лучах зари,
Отрада губы красила помадой,
И видно, оттиск хочет подарить.

За обновленной к вечеру оградой,
Которая отбрасывала тень
Весь день на работающую Отраду,
Фуражку бойко сдвину набекрень.

За надоевшей скучною оградой,
Которая несломанной была,
Мне говорить признания не надо:
Отрада всё, конечно, поняла.

НА ПРАЗДНИКЕ РЫБАКОВ

Не случайно облюбован
Чехломей* для торжества,
Где бунтует лес сосновый,
Возле леса рукава
Рыбой пахнувшего Ваха
Ветерочек шевелит.
Под хантыйскую рубахой
Кровь рыбацкая бурлит.
Я танцующей походкой
Под улыбочки пройду
До качающейся лодки,
На которой прокачусь
Мимо взгляда хохотуньи
Да обратно поверну.
Крикну Каткалевой Дуне,
Что люблю её одну.

---

* Чаломей — посёлок рыбаков.

* * *

Босиком до новолуния
Разрезал следы осокою —
Будто вышел накануне я
Чувства самого высокого.

Где ларьякская черёмуха
На заре вечерней ранена,
Застрели меня без промаха
Пониманием, вниманием.

Замани в туманы белые
И в дурманы утешения
Непорочные, но смелые
В шелестящем окружении.

Нам черёмуха душистая
Обещает гроздь чёрные —
Будто ночи, где неистово
Зацелую непокорную.

НАДЕЖДА

Господь, сохрани эту женщину
Как нежное чудо твоё,
Как слово на счастье вещее,
Что только молитва даёт.

Господь, сохрани её помыслы
В любви, что достойна она,
И пусть ей ^{лучше} лучшее помнится —
Встречи,

года,

имена!

Она мне судьбою обещана

И детям — по праву любви...

Господь, сохрани эту женщину

И дольше к себе не зови.

СОБЕРИ МЕНЯ В ДОРОГУ

У открытого окошка
В кузовок берестяной
Положи мне на дорожку
Тёплый шарфик шерстяной.
Не забудь с красивой вышивкой
Полотенце положить,
Чтобы долгую возвышенно
Мне разлуку пережить.

А в углу на видном месте
Для себя, не для гостей,
Жбан, подаренный невесте,
Полный верности моей,
Ты поставь до тёмной ноченьки,
Чтобы чаще открывать,
И тебе достанет моченьки
Встречный день отгоревать.

РАДИ СЧАСТЬЯ

На острие чужого взгляда
Не задержу мою любовь —
Мне самому проверить надо
Душетерзанья нежных слов.
Покуда рвут азартно руки
Две тысячи черновиков,
Покой души на эти муки
Опять разменивать готов.

За-ради встречи, счастья ради,
Воспоминания крадя,
Одна строфа на все тетради
Поёт на линиях дождя.
Жаль, звучный вечер быстротечен
В середине августа, когда
Свои мальчишеские речи
Растрачиваю навсегда.

ГЛАВНОЕ СВИДАНИЕ

И отрадно, и боязно душу
Ранить этой мечтой молодой...
Но, как школьник экзамена, трушу
Испытания встречи с тобой.
Ёлки-палки и Господи-Боже
Перемешаны — не разобрать:
Я планирую или итожу
Перед тем, как прилюдно играть
Полуопытность, полунаивность,
Доверять, оставляя табу,
Чтобы не было слишком противно
Обнажать для потомков судьбу.
Поздно выстрадал, рано придумал
Тебя женщиной лучшей, ничьей.
До тебя меня не было. Умер
Расточитель незрелых ночей.
Отправляю рождённую душу
На свиданье последней тропой...
Среди хохота шёпот послушай —
Это я восхищаюсь тобой.

* * *

Меняем
    вихрастое золото
На отсвет белёсой луны.
Вчера —
    так беспомощно молоды,
Вчера —
    безрассудно юны.
Сегодня опорой надменной
Стоим возле новой родни
И зрелостью платим
    разменную
За слишком разумные дни.

* * *

Душа моя извечно не спала,
Я знаю: спать она не может
И ночью тело сонное тревожит
Разгадкой тайн, которым нет числа.
Ах, тяжела душе земная власть,
Когда дневные тени всюду виснут,
И вековечность вымыслов и смыслов
Телесную смущает ипостась.
Душа как богородный поводырь
Прощать умеет грешную зевоту,
Влечёт меня к божественным высотам —
Там ангелы взирают на Сибирь.
Лунатиком на несколько минут
Лечу за грань уснувшего творенья
Распутывать дневные заблужденья,
Хотел бы дольше — занят Абсолют.
Послушно совершаются дела
Привычкой, опытом и разуменьем...
Но в поиске всевышнего мгновенья
Душа моя извечно не спала.

* * *

В балке накурено и душно,
А в двери лезет ветерок.
Закинув руки под подушку,
Ты молча смотришь в потолок.
Приёмник хриплым многословьем
Про счастье душу бередит...
Неразделённая любовью,
Бездольем юность догорит.
Возьми из пачки «Беломора»
Успокоения чуток.
Обидно, ты построил город,
А сам имеешь закуток.
Скучает детская игрушка
По романтической судьбе,
И долго стонет раскладушка,
Мешая выспаться тебе.

ПОЙМАННЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Город, изнывающий от жажды,
Пьёт Оби прибрежную волну
И ленивых побуждает граждан
До течения руки дотянуть...
Воробьям в тени деревьев жарко,
Возле обезлюженного парка
Не напоминают летунов —
Схожи с грудой мёртвых чебаков.
В гаражах пытят автомобили,
Как токсикоманы в полутьмах,
Пешеходы от зловонной пыли
Прячут смрад чихания в горстях.
Триста метров по асфальту пёхом
Мне осталось до воды пройти:
Было бы на облаке неплохо
По течению вечности грести,
Было бы не легче, но надёжней
Удивляться, как Господь-художник
На воображаемом холсте
Подарил движенье красоте...
Но, спеша под ярким абажуром,
Жмуря близорукие глаза,
На крючок торчащей арматуры
Падаю.

И вырваться нельзя.

* * *

Торжище раскинуло рекламы:
Все вокруг меняют, продают...
В закутке торговой панорамы
Выбираю временный приют.

Что тебе, взыскательный читатель —
Потребитель, я могу вручить?
Только то, что передал Создатель
Мне по звёздной музыке в ночи.

Между низким стилем и высоким
Эти звуки, будто певчих птиц,
Собирал в предутренние строки,
В клетки незвучащие страниц.

Чувства на святой кусочек хлеба
Обменяй же, сострадатель, мне,
Чтобы сил хватило выйти в небо
Словом о Ларьякской стороне.

* * *

Если удача и если беда,
Если услышу стук сердца родного,
Я добираюсь до пристани снова,
Где не расходятся лес и вода.

Лес и вода — две стихии мои;
Здесь перемешаны тени на влаге,
Здесь отраженьем на вечной бумаге
Берег над речкой слагает стихи.

* * *

...Я слишком знаю нищету избы
И благодать, что пролетала мимо,
Мне никогда подачек не забыть:
Их ждать и брать —
Равно невыносимо.
Дай, Господи, возможности помочь
Хоть чем-нибудь, в терпенье накалённом,
Голодным и раздетым в злую ночь,
Наполненную стариковским стоном.

МАМЕ

Не красоту ты нежила
Купальщицей в реке,
С детьми на рыбе выжила
В военной той беде.
Бросала моя матушка
Сеть-невод в кровь-зарю,
Голодные ребятушки
Сидели на яру.
Всё повторила, кроме бы
Слезы —
        в кормилец Вах...
Держала экономику
На худеньких плечах.

НОЧЕНЬКА

Полусонная изба
Жмурит окна, словно очи...
Отработана, слаба
Сила матушкина к ночи.
Перемыла, убрала,
Уложила, довязала...
И сложила два крыла
На коленочки устало.
И невмочь заголосить,
Боль снимая поясницы, —
Лампу надо погасить,
Помолиться у божницы.

БЕРЕГИНЯ

В кедрач, как в храм,
вошла Екатерина,
В миру оставив взрослых сыновей.
Осенний ветер причесал седины,
И луч коснулся серебра бровей.
На фоне зелени и золота разлуки
Слова я безответные шептал,
Последний раз поцеловал я руки,
Которые без дела не видал.
Ушла к отцу, любимому мужчине,
Прощальной нежностью озарена...
Но ты и мне
как мать-Берегиня
Здесь, на земле, по-прежнему нужна.

* * *

Люблю я полночь на остатке
И на излёте полдень каждый.
Не привыкая жить в достатке,
Ценю, что не дается дважды.
Неповторимо бытованье,
Река меняет отраженья —
И чудно каждое дыханье
От самоценного рожденья.
Пусть не кончатся невзгоды
Сегодня, как вчера и завтра,
Но я — не баловень, не лодырь,
Судьбы небезымянный автор.
Сам выбирал и выбираю
Тревожный возглас откровений,
Шаги подсудные по краю
До запоздалых сожалений.
Дай Бог любить остаток жизни
И всё, что память пролистая, —
В недавних помыслах Отчизны
Мне ошибаться не пристало.

НЕЛЬЗЯ БЫЛОЕ НЕНАВИДЕТЬ

Словно тень осуждённого узника
Возвращается прошлая юность,
Где плескалась и плещется музыка —
Тишины вековой многострунность.

Тень цепями рассудка изранена,
Исчезает с восточной зарёю —
Просыпаюсь в холодном тумане я,
Безнадёжно, как в детстве, зарёван.

И уже за молчаньем утраченным
Долговечны о музыке споры,
И уже не врываться иначе нам
В звуковые под солнцем повторы...

О, блаженство земного мучения,
Что в любви повторяется снова!
О, высокое предназначение
Выходить к звукорядам былого!

* * *

Теряюсь в глуши. Не решаюсь оставить
На белой коре простодушных берёз
Свой вензель. Зачем? Ничего не исправить:
Ни ложь бытованья, ни истину грёз.

Боюсь потревожить таёжные звуки,
Примять бархат ягеля возле болот,
И там, где натянуты древние луки,
Душа моя тихо свершает полёт.

По символам редкого здесь разговора,
По краткому отблеску полуогня,
По знакам любимого мною простора
Ищите, ищите.

Найдите меня.

ВЕСЕННЕЕ

Подарившее жизнь
и погибшее семя
Вспоминает недолго
зелёный росток.
И едва ли созревший цветок
Обернётся в прошедшее время.
Не могу все года вспоминать,
Ибо надо всегда продолжаться,
Но за прошлое хочется
крепко держаться,
Как больному ребенку
за строгую мать.

* * *

Каждый раз с наступлением ночи
Дремлет старых часов циферблат,
И с моим дорогим одиночеством
У меня идеальнейший лад...
О, медлительность слов на бумаге!
О, запутанность мыслимых грёз!..
Написать,
                  как предаться отваге,
Зелье пить из улыбок и слёз.

ДРУГУ ВОРОБЬЮ

Нелегко слабеющему телу
Прихотям полёта потакать —
С колеи срываешься по делу —
На болоте клюкву поклевать.
Быть не в стае, но остаться птицей,
Скромной птахой возле кедрача
И в края чужие не стремиться,
В захолустье сиром не скучать.
Ты, как я, Ларьяком околдован:
Мы провинциально дорожим
Не бездушной памятью кондовой,
А священным берегом родным.
Здесь отеческая сила генов
Нас на крылья нежно подняла,
Приняли мы дух аборигенов
В наши непохожие тела.
Нам привычно, милый друг-пютькали*,
Сытный праздник лета провожать
И провинциальные печали
В немудрёной песне изливать.

---

* Пютькали (*хант. ваховского диалекта*) — птичка.

29 АВГУСТА по СТАРОМУ СТИЛЮ

В достатке брошенным лукошком
Сочится луговое лето,
Но в ручейках совсем немножко
Осталось солнечного цвета.

Не оттого ль окрест берёзы
Сгорают звучной позолотой,
А небо выплеснуло слёзы
К нам небожительной заботой?

К нам от Крестителя Господня
Струится влага Иордана:
Блаженно верится сегодня
В жертвоспасительную данность.

Новокрещенные — мы знаем:
На бездорожной глухомани
Свет мучеников несгораем
В кануны новых испытаний.

* * *

Ветвей кривых качанье,
Везде листвы круженье...
Прощание, прощанье —
Ну что за наважденье?
Осины кривобокие
Смирились с наготой,
Пугает вечер песню
Безглазой темнотой.
А ветер щёки хлещет,
Мы будто виноваты.
Сова кого-то кличет:
Куда? Куда? Куда ты?
Листок прижался маленький
К промокшему плащу,
Надеется оранжевый,
Что к сердцу допущу...
Давайте будем добрыми
В недобрую погоду.
Уходит лето тёплое,
А кажется, что годы.

* * *

Ну что ж, пускай опять обманет
Тропинка посреди невзгод.
И промелькнёт, как на экране,
Дурных сюжетов длинный год.
Плутания необходимы,
Когда никто не знает путь,
И снова негде нелюбимым
Пред Рождеством передохнуть.
Сквозняк бурчит по перекрёсткам
Опять недобрые слова...
А я заплаканным подростком
Ищу родства, как волшебства.

* * *

Ценю тебя, сибирская река,
За вечное красивое занятие –
Тепло бурлить и плыть издалека
В ледовые холодные объятия.

Легко играешь павшею листвою,
Привет осенний унося к зимовью...
Родством души, родимая, я твой,
Но с берегом соединён любовью.

ОСТАТЬСЯ СОБОЮ

Давным-давно родному краю
Известен я как ротозей:
То ключ от дома потеряю,
То адреса моих друзей.
На мир по-детски раскрываю
Свои усталые глаза.
По опыту подозреваю,
Что потерять себя нельзя.
Пока плутать на белом свете
Не надоело мне ничуть,
Могу питомцем лихолетий
На бездорожие свернуть.
Мне круг весёлого сюжета
Творит январский снегопад,
Что у ларьякского поэта
Всегда найдётся адресат.
И снова потерять созвучья
На вдохновении не прочь,
Пока по бездорожью мучит
Меня неласковая ночь.

ПОСЛАННИК ЗИМЫ

Раскачал надо мной облака
Ветер Севера, ветер сердитый,
И посыпалась, словно мука
Из дрожащего полного сита,
Белизна на речные луга.
Отчего зимний гость осерчал?
Утомился, летевши с Ямала? —
Ветер снегом окутал причал
И в протоку насыпал немало,
Будто лодки скучать приучал.
В узкой заводи льда полоса,
Словно гладкий намёк перетасок,
Что оставили нам обласа
К первопутку рисковых салазок
В задремавшие наши леса.
Ветер выюжный — посланник зимы,
Как и ты, на просторах без карты
Не страшимся заснеженной тьмы,
Были б только олени да нарты —
К бездорожью приучены мы.
Нас покинул в назначенный час
Ветер — брат из далёкого Юга.
Погости, белый странник, у нас
На заснеженных поймах тыхг-юхга!*

Слушай ваховских хантов рассказ.

---

* Тыхг-юхга! (хант.) — иди сюда!
Здесь: добро пожаловать!.

МЕЛОДИЯ

Тихо дерево поёт,
Годы чьи-то вспоминая...
По реке шуга плывёт,
Снег дороги засыпает.
Понимает, как слова,
Звуки древние старуха,
Молча слушает вдова
Нежный голос наркасьюха*.
Неизвестно, сколько лет
Пролетело птичьей стаей...
Лишь старинный инструмент
Песни их не забывает.

---

* Наркасьюх — старинный хантыйский музыкальный инструмент (хантыйские гусли).

...И ВДРУГ ЗИМА

Туман вчерашнего заката
В ночь на весёлый выходной,
Как предрождественская вата,
Упал холодной белизной.
Мольберты спрятали деревья,
Штрихи садов обнажены,
А пятна рыжего кочевья
В кострах осенних сожжены.
Обские резвые просторы
Оледенели возле дня,
И солнце окунулось в прорубь,
Как тлеющая головня.
Ветра побережья растрепали
Зеленокудрые боры,
Но сединой не испугали
Урмана мудрого вихры.

ИЗБУШКА

Бурно ветры над крышею кружат,
Не жалея ничьей седины.
Одиноко и холодно в стужу,
Окна — дряхлые щеки — бледны.
А хозяйка избы на погосте
Под крестом третий месяц лежит,
И приходят к ней прежние гости —
Вот опять кто-то в Вечность спешит...
Старики и старухи уходят,
Оставляя избушки на слом.
Был недавно при всякой погоде
В избушонках — отеческий дом...
Дайте, люди, ещё хоть немного
Старым брёвнам тепло сохранить:
Вот дровишки лежат у порога,
Чтобы под вечер печь протопить.
В кружках брагу опять поднимите
За покинувших избы свои,
Ветеранов села помяните —
И пурга нынче плачет о них....
Будет сниться мне долго избушка,
Где ждала меня добрая мать
И где долго над стынущей вьюшкой
По ночам будет вьюга рыдать.

* * *

*Помни наше мудрое названье:
Ханты — все народы на земле.*

Владимир Волдин

В Отечестве, простуженном и бледном,
Я, услышав возвышенную вьюгу,
Спешу на совершенные беседы
В Рождественскую ночь
к затоптанному лугу.

На доброту и честь рукопожатья,
Хотя визжат ещё летящие полозья,
Спешу тепла руки открыто ждать я
Кого-нибудь, продрогнув на морозе.

Единый Боже, ниспошли мне друга
Беседовать о временах одноязычья!
Не о толпе ли нынче стонет вьюга
И не меня ли по старинке кличет?

Давно я знаю, что следы уносит
Весенний паводок, не отнимая память,
История когда-нибудь да спросит:
Зачем топтали чистоту ногами?

* * *

От дороги до созвездий
белизной холсты висят —
Это снег окутал избы
и штакетный серый ряд.
Только тихие оконца
помнят чьи-то адреса
И, как проруби на речке,
молча смотрят в небеса.
Я шагаю неразумно,
забывая о следах,
По которым злобный умник
обвинит во всех грехах...
А всего и было дела:
не как все, а как умел,
Отшагавши до предела,
я меж звёздами летел.

* * *

Минорную мелодию метели
Нельзя переиначить,

изменить

И понарошку,

как на самом деле,

По спуску молчаливо семенить.

Внизу исповедальный упокой нам

Рассыпали закатные лучи...

Со всеми попрощаемся спокойно,

Хотя слеза на выдохе горчит.

ПО МОТИВАМ УГОРСКИХ МИФОВ

Душа моей первой души,
Доземное моё изначалье,
Лучом обо мне напиши
На берёсте последней печальной.
Шаманские клятвы слышны
Или возглас волхва издалёка?..
О как мы пред Богом грешны —
Все, взлетевшие слишком высоко!
Давно перепутали мы
И моления, и словословья,
А бледность сибирский зимы
Раскрасили братскою кровью.
Ты всё-таки мирно дыши
Всепрощеньем заблудших страданий,
Душа моей первой души,
Накануне последних свиданий.

В НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Из холодов живительною влагой
Рванётся Обь к таёжным берегам,
И в новом веке доброты и блага
Югорский бубен наиграет нам
Священных мест отеческие ритмы,
Что пращуров угодыя вновь щедры...
И будем искренне благодарить мы
Радетелей спасения Югры.
Тепло сердец защитников природы
Согреет всех на сквозняке борьбы —
Навстречу солнцу радостные всходы
Потянутся под небом голубым.
И после жесточайшей непогоды,
Бесстыдной смуты, варварства угроз
Многоголосые угорские народы
Вольются в хоровой апофеоз.
И в торжестве российской благодати
Обской волне листать у берегов
Страницы древности, что не утратим
В хантыйском быте возле очагов...

* * *

Торопясь,
        не дослушали что-то мы
Из призывов ушедших веков —
За простыми людскими заботами
Был невнятен призыв облаков.
Всё равно нам: забвеньё ли, слава ли
Пробивается через шумы,
Зря крикливые вехи расставили
ВожакИ на просторе зимы.
Мы пространство и время проехали,
Но всё выше зовут облака —
Голоса неизвестные, эхо ли
Приближают иные века.
Даже вьюгами жестокосердными
Не напугана добрая речь,
И над вечнозелёными кедрами
Машут крыльями ангелы встреч.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Остановленный закат
Тлеет у солнечного лба,
Пела Божия изба
(По-хантыйски: Торум-кат),
Прославляла даль небес,
Как пристанище живых.
Даже слишком молодых
Голоса сливались. Лес
Разносил их, удлинял,
Упираясь в горизонт.
И звучало в унисон
Песнопение огня.
Деревушечка Панас
Тихо молится со мной,
И горит очаг ночной
Посреди тайги для нас.
Всем языческим богам
И Верховному молюсь.
Обнялись Югра и Русь,
Недоступные врагам.
Нам Огница — дева шлёт
Примирение не зря:
Разливается заря —
Ожидается восход.

Содержание

«Возле древнего чувала...».....	4
Предисловие автора	5
СЕМЕЙНЫЕ СКАЗКИ	9
Почему утки крикают	10
Соломинка и Ягодка	11
Почему у Глухаря красные глаза	12
Огница	13
Смышлёная дочь	16
Три топора от Водяного	18
Победитель Великанов — сын Сироты	22
ЛИЧНЫЕ ПЕСНИ	29
«Под ветром у косматых елей...»	30
На теплоходе	31
Шалость	32
Первая упряжка	33
«В дебрях памяти блуждая...»	34
«Как растает пух лебяжий...»	35
«Поломанные ветки...»	36
«Где играло половодье...»	37
Рыбак	38
«Манит снова рыбака...»	39
«Утренние звонкие лучи...»	40
Спутницы воспоминаний	41
Читая летописи	42
Поётся	43
Мыгьях	44
«Дом — уют колыбельный...»	45
«Ночь на лице небосвода...»	46
Я рыбацкого племени сын	47
«Душой владела щедрой...»	48
«Простонала древняя разлука...»	49
«Пора домой за песнями и хлебом...»	50
«Хороши ларьякские дорожки...»	51
«Зари вечерней коромысла...»	52
«За свежерашеной июльской оградой...»	53
Вдвоём	54

На празднике рыбаков	55
«Босиком до новолуния...»	56
Надежда	57
Собери меня в дорогу	58
Ради счастья	59
Главное свидание	60
«Меняем вихрастое золото...»	61
«Душа моя извечно не спала...»	62
«В балке накурено и душно...»	63
Пойманный цивилизацией	64
«Торжище раскинуло рекламы...»	65
«Если удача и если беда...»	66
«...Я слишком знаю нищету избы...»	67
Маме	68
Ноченька	69
Берегиня	70
«Люблю я полночь на остатке...»	71
Нельзя бывшее ненавидеть	72
«Теряюсь в глуши. Не решаюсь оставить...»	73
Весеннее	74
«Каждый раз с наступлением ночи...»	75
Другу воробью	76
29 августа по старому стилю	77
«Ветвей кривых качанье...»	78
«Ну что ж, пускай опять обманет...»	79
«Ценю тебя, сибирская река...»	80
Остаться собою	81
Посланник зимы	82
Мелодия	83
...И вдруг зима	84
Избушка	85
«В Отечестве, простуженном и бледном...»	86
«От дороги до созвездий...»	87
«Минорную мелодию метели...»	88
По мотивам угорских мифов	89
В новое тысячелетие	90
«Торопясь, не дослушали что-то мы...»	91
Вне времени	92

Мазин В.А.

М12 Семейные сказки и личные песни / Рис. Х. Курмаева — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. — 96 с.

ISBN 5-7529-0798-5

В новую книгу Владимира Мазина, члена Союза писателей России, включены литературные сказки и стихотворения, написанные в разные годы с середины 60-х гг. XX в. Некоторые из произведений лауреата литературной премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры ранее публиковались в периодике и сборниках «Пристань радостей и печалей» (1997), «Ларьякский голос» (1998), «Бубен и скрипка» (2001). Имя автора «Семейных сказок и личных песен» хорошо известно на его малой родине. Поэт, филолог, культуролог В. А. Мазин в 2003 г. Президентом РФ награжден медалью Пушкина.

84.P7Хан

Мазин Владимир Алексеевич

Негасимый свет чувала

Редактор *С.В. Марченко*

Корректор *М.Ф. Худякова*

Компьютерная верстка *А.Ф. Агзамов*

Лицензия на издательскую деятельность

ЛР № 06534, выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 21.11.2005 г. Формат 84x90/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Paladium.

Печать офсетная. 4 усл. печ. л. 3 уч.-изд. л.

Тираж 1000 экз. Зак.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ООО ПП «Контур»

г. Екатеринбург, ул. Городская, 1-г

70-00

153182010

Гос. библиотека Югры

*Если в этой книге
мои земляки уловят
духовное созвучие
со своим мировосприятием,
я буду счастлив.*

Вн. Мазин